

Хроникер, произошел за тринадцать лет до последнего путешествия Степана Трофимовича, когда Варвара Петровна третий и последний раз упрекала своего друга.

Если учесть, что события романа происходят в сентябре—октябре 1869 г., то посещение барона приходится на осень 1856 г., т. е. спустя год с небольшим после смерти генерала Ставрогина. Помимо того, что эта дата полностью согласуется с внутренней хронологией романа, она более точно соответствует и историческому фону событий, отраженных в предыстории «Бесов».

Слухи об освобождении крестьян действительно возникали в русском обществе еще в начале 1840-х гг. — здесь с комментарием нельзя не согласиться. Однако может ли применительно к этому периоду относиться характеристика: «... Россия вдруг взликала и готовилась вся воародиться?»

«В начале царствования, под влиянием движения 14 декабря, в крестьянском населении распространились слухи о скором освобождении, — пишет В. О. Ключевский. — Чтобы прекратить их, новый император издал манифест, в котором прямо заявил, что в положении крестьян не будет сделано никакой перемены, но при этом секретно было внушено через губернаторов помещикам, чтобы они соблюдали законное и христианское обращение с крестьянами».¹ Разработка крестьянского вопроса во все продолжение царствования Николая I велась в обстановке секретной или «весьма секретной». И даже те частичные меры по облегчению участи крепостных крестьян, которые были приняты при Николае I, очень редко исполнялись. Царская бюрократия Николая I, по остроумному замечанию Ключевского, «представляла единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, издаваемые высшей властью».² Как видим, вряд ли 1840-е годы — время ликования и возрождения, время великих реформ, даже если говорить только о крестьянском вопросе. Тем более — это не время реального дела, возле которого мог находиться просвирный петербургский барон «весьма близко».

Другое дело — после 19 февраля 1855 г., когда на престол вступил новый император. Уже в марте 1856 г. Александр II «принял московского губернского предводителя дворянства князя Щербатова в уездными предводителями и вот что приблизительно сказал им: „Между вами распространился слух, что я хочу отменить крепостное право; я не имею намерения сделать это теперь, но вы сами понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Скажите это своим дворянам, чтобы они подумали, как это сделать“. Эти слова как громом поразили слушателей».³

¹ Ключевский В. О. Соч.: В 8-ми т. М., 1958, т. 5, с. 272.

² Там же, с. 281.

³ Там же, с. 289.

Собственно, после этого заявления царя и начались подготовительные работы, которые привели к Положению 19 февраля 1861 г.

Осенью 1856 г. петербургский барон из высшего света вполне мог находиться «близко у дела».

В. А. ВИКТОРОВИЧ

К ИСТОРИИ ОДНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ В «ГРАЖДАНИНЕ» 1873 г.

В Полном собрании сочинений Достоевского опубликовано редакционное объявление о прекращении издания журнала «Гражданин» «вследствие непредвиденного обстоятельства» (21, 277). Как справедливо указывается в комментарии (см.: 21, 530), объявление может быть датировано с помощью следующего воспоминания Н. Н. Страхова: «Около святой (пасха начиналась в 1873 г. с 8 апреля. — В. В.), мне помнится, произошла в кружке „Гражданина“ большая тревога; говорили, что издание невозможно продолжать, и Федор Михайлович был некоторое время в большом беспокойстве».¹ Косвенным подтверждением датировки объявления началом апреля 1873 г. может служить то, что 9 апреля 1873 г. не вышел очередной номер «Гражданина» (через неделю вышел двойной номер), что совсем не обычно при той «величайшей заботливости», по словам того же Страхова, с какою относился тогда к изданию его редактор, Достоевский.

Указанное объявление в «Гражданине» напечатано не было, а вместо него в № 19 от 7 мая 1873 г. появилось другое, где опровергались «слухи» о прекращении издания (21, 280).

В чем причина обстоятельства, которое должно было действительно не на шутку взволновать Достоевского; закрывалось издание, едва он стал его редактором?²

В комментариях в академическом собрании сочинений Достоевского высказано предположение, что опасения редакции «были вызваны обвинительным актом Петербургского окружного суда от 2 апреля 1873 г. по поводу опубликования в „Гражданине“ без разрешения министра двора высказывания Алек-

¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 239.

² Как болезненно реагировал Достоевский на такую ситуацию, задевавшую его честь литератора, можно предстать, если вспомнить, что через год, не будучи уже редактором «Гражданина», он писал жене 6 июня 1874 г.: «Князь (Мещерский. — В. В.) говорил мне à parte, что он совершенно не знает, как быть с „Гражданином“, денег на издание нет и никто ему в долг не дает. Боюсь ужасно, чтоб, если прекратится издание, не коснулся как-нибудь меня расчет с подписчиками (т. е. я не просто боюсь, что Князь не заплатит, а что, на первый случай, выйдет какой-нибудь скандал и заденут мое имя в печати)» (П., III, 99).

саидра II» (см.: 21, 530). Думается, что такая мотивировка недостаточно обоснованна. Во-первых, потому, что подобного рода судебные преследования печати были не столь уж опасны: как известно, Достоевский был приговорен к штрафу в 25 руб. и к двум дням ареста на гауптвахте. Во-вторых, волноваться еще было рано: расстояние от обвинительного акта до суда неблизкое, а окончательное решение оставалось под вопросом (Достоевского судили лишь 11 июня и защищавший его В. П. Гаевский указывал на неправильность возбуждения дела цензурным комитетом). И в-третьих, самое главное, не следует все же, при всей известной мнительности Достоевского, представлять его способным решиться на закрытие издания при столь ничтожном препятствии. Начиная свою редакторскую деятельность, Достоевский предвидел возможные столкновения с цензурным ведомством, уже в первом номере «Гражданина», в «Дневнике писателя» подтрунивая над своей будущей ролью: «Подозреваю, однако, что в Китае князь Мещерский непременно бы со мною схитрил, пригласив меня в редакторы наиболее с той целью, чтоб я заменял его лицо в главном управлении по делам печати каждый раз, когда бы его приглашали туда получать удары по пяткам бамбуковыми дощечками» (21, 6).

Причины для планировавшегося закрытия «Гражданина» были, очевидно, более веские. Нам известны три источника, проливающие дополнительный свет на этот эпизод биографии Достоевского:

1. «Секретное» письмо издателя «Гражданина» В. П. Мещерского М. Н. Каткову: «Сегодняшним номером заканчивается существование „Гражданина“. Я выбыл из строя бойцов за убеждения. Год усиленной работы меня почти убил» (ГБЛ, ф. 120. 7. 2., л. 1). Далее Мещерский описывает свою болезнь (два обморока, «судороги в мозгу») и говорит, что доктора рекомендуют полный покой в течение двух лет, иначе может быть «удар à la Milutine» (П. А. Милотин скончался 26 января 1872 г.). Датировка письма первой половиной 1873 г., а еще точнее, имея в виду описанную выше ситуацию в редакции, началом апреля 1873 г. — кажется, не вызывает сомнения, тем более, что далее Мещерский пишет: «Издавая журнал, я имел в виду в июле и в августе поступление из разных источников пособий, но теперь, когда прекратил издание — ничего не могу иметь в виду» (там же).

2. Письмо К. П. Победоносцева наследнику престола, будущему Александру III, от начала апреля 1873 г. (письмо датируется нами по упоминанию «вечного воскресенья», т. е. пасхи, и «рескрипта совету дома призрения», подписанному цесаревичем, как удалось установить, 3 апреля 1873 г.³): «Сам Мещерский, говорят, уехал вчера в Москву. Кажется, у него было в виду доставать еще где-нибудь денег на поддержание своего журнала.

³ Рескрипт опубликован в «Правительств. вестн.» (1873, 24 апр., № 96).

Впрочем, из верного источника я знаю, что он перед самым отъездом внезапно решил прекратить издание и даже намерен был на днях объявить об этом от лица Достоевского. Боюсь, как бы бедный Достоевский не пострадал от этого, потому что журнал официально числился за ним, хотя в сущности издателем был Мещерский».⁴

Беспокойство Победоносцева за Достоевского, очевидно, отзвук настроения последнего. Составляя объявление о прекращении «Гражданина», его редактор особо подчеркивал, что он «заведовал единственно литературною частью издания, в хозяйственную же часть его не вмешивался», в то время как внезапною обстоятельством, «оставившим пашу деятельность», «не имеет ничего общего с литературою» (21, 317). Нет ничего удивительного, что такое решительное отмежевание заботящегося о чести своего имени редактора от издателя, князя Мещерского, не могло понравиться последнему, и, по-видимому, по его настоянию было исключено из окончательного текста объявления о прекращении издания.

Что же это за «внезапное и совершенно внешнее обстоятельство, не имеющее ничего общего с литературою»? Если верить письму Мещерского к Каткову — это внезапная нервная болезнь князя. Если же исходить из переписки Победоносцева — это денежные затруднения издателя.

Внимательно вчитываясь в письмо к Каткову, мы обнаружим, что первая мотивировка ничуть не отменяет второй: в апреле Мещерский пишет, что только в июле и августе ждет денежной помощи «из разных источников», т. е. от тех промышленников, на чьи пожертвования частично существовал «Гражданин».⁵ Зная характер Мещерского, можно предположить, что одна мотивировка (болезнь) — лишь прикрытие для другой, главной (безденежье). Издателю «Гражданина» предстояло еще сорок лет весьма активной деятельности, которой, как видно, не помешала его «серьезная» и чуть ли не смертельно опасная нервная болезнь.

3. Третий документ — письмо В. П. Мещерского наследнику престола Александру Александровичу. Письмо без даты, но может быть датировано началом апреля 1873 г. по упоминанию пасхи и по просьбе Мещерского вернуть проскрт рескрипта дому призрения (см. о нем выше) для переписки и отправления в «Правительственный вестник». Как и в письме Каткову, Мещерский пишет здесь о своей болезни, обмороке «третьего дня» и «вчерашнем» совете докторов «все бросить и поехать куда бы

⁴ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925, т. 1, с. 22. Письмо в данном издании ошибочно датировано апрелем 1874 г. на основании объявления в «Гражданине» (1874, № 16) о смене редактора.

⁵ См. об этом: Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898, ч. 2, с. 161—162.

то ни было». «Во всяком случае, — заключает Мещерский, — по этой и по другим причинам кончаю издание „Гражданина“».⁶

Как видим, и в этом источнике болезнь Мещерского — не единственная причина для прекращения издания. Некоторыми намеками Мещерский дает также понять наследнику (когда-то отказавшемуся субсидировать «Гражданин»), что «другие причины» — это безденежье.

Как уже говорилось, 16 апреля, после двухнедельного перерыва, «Гражданин» все-таки вышел и издание было продолжено. Можно предполагать, что Мещерскому удалось найти нужные средства. Очевидно, для этой именно цели он в начале апреля отправился в Москву — о чем сообщает в письме наследнику, и факт этот подтверждает Победоносцев в указанном выше письме — к богатым «меценатам» «Гражданина» (см. примеч. 5).

Материальные затруднения долго еще создавали напряженную, нервную обстановку в редакции, о чем свидетельствуют письма Достоевского лета 1873 г. и его дневник по журналу. Видимо, сославшись на болезнь и уехав на лето в деревню, князь переложил все заботы по изданию, в том числе и денежные, на плечи редактора. Достоевскому приходилось иногда закладывать личные вещи, чтобы вовремя расплатиться с авторами и сотрудниками. Безответственность и легкомыслие князя-издателя, с одной стороны, и раздражительное беспокойство Достоевского за свою репутацию — вот те условия, которые, при «каторжной» редакторской работе, в отрыве от семьи, сделали лето 1873 г. для Достоевского «несносным».

Г. В. СТЕПАНОВА

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА СО СКЛАДКОЙ» У ДОСТОЕВСКОГО

Характеризуя выражение лица и нравственную физиономию своих героев, Достоевский часто употреблял понятия «складка», «склад». Применение их в творчестве писателя носит многообразный характер. Так рассказчик в «Униженных и оскорбленных» (1861) говорит об Анне Андреевне: «Когда я появился, она приняла было меня с недовольной и холодной *складкой* в лице, едва щедла сквозь зубы и не показывала ни малейшего любования...» (3, 268. Здесь и ниже курсив наш. — Г. С.). Словом «складка» передано выражение лица героини, ее отношение к собеседнику.¹ В том же смысле, но в более развернутой характеристике, употреблено оно в описании внешности Алши: «Полные небольшие пунцовые губы его, превосходно обрисован-

⁶ ЦГАОР, ф. 677 (Александра III). I. 896, л. 115—116.

¹ В подобном же смысле употреблено оно и по отношению к героине «Кроткой» (1877): «И всё пуце и пуце *насмешливая складка*... а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание» (24, 15).

ные, почти всегда имели какую-то *серьезную складку*; тем неожиданнее и тем отчуждательнее была вдруг появлявшаяся на них улыбка, до того наивная и простодушная, что вы сами, вслед за ним, в каком бы вы ни были настроении духа, ощущали немедленную потребность, в ответ ему, точно так же как и он улыбнуться...» (3, 201). Но сразу же Достоевский совершает переход от внешнего к более сложному описанию сущности человека: «Правда, и в нем было несколько дурных привычек хорошего тона: легкомыслие, самодовольство, великая дерзость» (3, 201). Здесь уже вырисовывается определенный нравственный склад Алши.

К понятиям «склад», «складка» особенно часто обращался Достоевский в романе «Подросток» (1875). Свообразно построена сцена рассказа Версилова о большой Лидии (падчерице Ахмаковой) и взятом им на воспитание ее ребенке. Версиров в момент рассказа поразил Аркадия: «Он искренно и правдиво посмотрел на меня, с беззаветною горячностью сердца» (13, 371). Подросток слушал, «утопая в восторге». Но далее он рассказывает: «И вот, помню, в лице его вдруг мелькнула *его обычная складка* — как бы грусти и насмешки вместе, столь мне знакомая» (13, 372). В черновом автографе первоначально было: «... вдруг мелькнула его обычная улыбка грусти и раздражительной насмешки» (17, 141). Как будто назревает какой-то поворот в состоянии Версилова. Поворот этот уже явственно ощущается Подростком после слов Версилова о «разрешении» его страстей и недоумений в «пять часов пополудни» (т. е. после получения письма от Ахмаковой): «Я слушал действительно с болезненным недоумением; сильно выступала *прежняя версировская складка*, которую я не желал бы встретить в тот вечер, после таких уже сказанных слов» (13, 372).

Еще ранее, во второй части романа, Аркадий так думает о Версирове во время их очередного разговора: «Впрочем, помню, в тот вечер он был особенно откровенен...» (13, 171). Но после, казалось, откровенных слов Версилова у Подростка возникает иное впечатление об отце: «Он говорил с грустью, и все-таки я не знал, искренно или ист. Была в нем всегда *какая-то складка*, которую он ни за что не хотел оставить» (13, 171). В этой его складке, подобно складке бумаги, материи, была скрытая часть (к примеру, под грустью — насмешка, под откровенностью — затаянная недоговоренность).

Складка у Версилова, которую так остро ощутил Подросток, — несомненно выражение свойственной ему двойственности. «Знаете, мне кажется, что я весь точно раздваиваюсь <...> Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь, — говорит Версиров в знаменитой сцене с иконой (часть третья, глава десятая). — Точно подле вас стоит ваш двойник...» (13, 408. См. также: 13, 410, 412, 446, 455).

В заключении романа Достоевский так завершает рассказ о Версирове: «Весь ум его, и *нравственный склад* его остались при нем, хотя всё, что было в нем идеального, еще сильнее